„Socialistitcheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 22 (426)
18-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год **100** фр., за ½ г. — **50** фр., за ¼ г. — **25** фр., для С.А.С.Ш.: за год—**6** долл., за ½ г.—**3** долл., за ¼ г. **1,50** долл.; для остальных стран: за год—**150** фр, за ½ г. — **75** фр., за ¼ г.—**40** фр. За перем. адр.—**1** фр. Конт. и ред.: **11, Square Albin Cachot** (141, r. Broca), **Paris XIII**. Тел.: **Port-Royal 05-25**
Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris.
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

25 Ноября 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Ставка на интеллигенцию

«Социалистический Вестник» не раз отмечал симптомы оттеснения рабочего класса с социальной авансцены Советского Союза. Процесс этот развивается быстро и компартия с огромной энергией форсирует это развитие. Речь идет здесь не о тех или иных мероприятиях социальной политики в традиционном значении этого слова, мероприятиях, непосредственно касающихся условий труда и жизни рабочих масс. Речь идет о гораздо большем: о стремлении диктатуры мерами государственного воздействия привести к консолидации нового высшего класса в Советском Союзе, к формированию новой социальной структуры бывшего «рабоче-крестьянского государства».

Политика эта проводится под симпатичным флагом реабилитации интеллигенции. Спору нет: разрыв с многолетней традицией огульного восстановления широких народных масс против интеллигенции можно было бы только горячо приветствовать. Но разве в этом смысл новой политики? Под фальшивым флагом реабилитации интеллигенции происходит нечто совсем иное, происходит процесс социального утверждения верхнего слоя советской и партийной бюрократии, в интересах упрочения своего социального господства действительно — и, может быть, не без успеха — пытающегося ассимилировать и подчинить своим целям и верхи интеллигенции.

«Интеллигенция» заняла сейчас совершенно исключительное место на страницах советской печати. Это любимое детище сталинской диктатуры, которому диктатура дарит все свое внимание. Давно ли диктатура стремилась упрочить в общественном сознании мысль о социальной избранности рабочего класса? Давно ли широкие слои служащих, студенчества, отчасти и интеллигенции в порядке социальной мимикрии пытались принять рабочий облик? За последний год все это быстро сходит, в значительной части уже сошло на нет. Сейчас, напротив, происходит чрезвычайное расширение понятия интеллигенция. Когда — еще совсем, кажется недавно, в первой половине лета текущего года — «Труд» (от 9-го июня) в обширной статье, посвященной заработной плате служащих, впервые отбросил мысль о том, что служащие составляют часть рабочего класса, и с чрезвычайной настойчивостью заговорил о служащих — о служащих вообще, о служащих в целом, — как о «советской интеллигенции», многих это, вероятно, поразило. Сейчас это уже никого не удивляет.

Не потому, конечно, что широкие слои служащих почувствовали себя согретыми лучами сталинского благоволения к интеллигенции. Для громадного большинства служащих факт зачисления их в разряд интеллигенции звучит почти насмешкой. Еще только на днях советская печать писала о громадной армии торговых служащих, как о «торговой интеллигенции», а ведь и социальное, и материальное положение их часто даже хуже, чем положение фабрично-заводского пролетариата*). От такой социальной «переклассификации» положение их по существу не изменяется. Но зато пред сталинской бюрократией открывается возможность пытаться социально-психологически оторвать от рабочих громадное пролетарское большинство служащих.

*) См. статью «За единство рабочего класса СССР» в № 1/2 «С. В.» за текущий год.

Повидимому, в ближайшее время мы все чаще сможем наблюдать попытки отделения широких слоев служащих от рабочих и в быту. С этой точки зрения заслуживает внимания промелькнувшее на днях в советской печати сообщение об устройстве бала для служащих («интеллигенции») автомобильного завода им. Сталина в Москве. Это, конечно, только начало.

Но отрыв широких слоев служащих от рабочих это лишь побочная и второстепенная цель этой новой политики. Основной ее смысл глубже, основная ее социально - психологическая задача — в «освобождении» верхнего слоя советской и партийной бюрократии от внутренней связанности пролетарской идеологией. Вот уже около трех лет диктатура бьется над проблемой идеологической переориентировки советского «общества» на «национальных» основах. Переориентировка эта очень затрудняется связанностью компартии с ее идеологическим прошлым, необходимостью как-то примирять новую «национальную» со старой «пролетарской» верой. Сейчас процесс этой переориентировки значительно облегчается, а тех, кто захочет, может быть, напомнить о вчерашних установках, легко можно будет привести к молчанию аргументом о «троцкистах» и «фашистских провокаторах».

Около года тому назад в «Труде» было помещено сообщение, что «в Иркутске враги народа, пробравшиеся в 26-ую среднюю школу, укомплектовали параллельные классы таким образом, чтобы в одном классе были дети инженеров, в другом дети служащих, в третьем дети рабочих. Эта открытая диверсия врагов народа в школе была обнаружена только к концу учебного года» («Труд» от 2-го сентября 1937 г.). Тогда это еще была «открытая диверсия врагов народа». Сейчас редакция «Труда», конечно, не решилась бы на такую характеристику. И если такая слишком уж откровенная школьная практика и не станет, вероятно, правилом завтрашняго дня, она во всяком случае не находится уже в принципиальном противоречии с основной тенденцией современной официальной идеологии.

Новая социологическая установка компартии нашла только что свое исключительно яркое выражение в постановлении ЦК ВКП от 14-го ноября «о постановке партийной пропаганды в связи с выпуском» нового Евангелия (т. е. «Краткого курса истории ВКП»). О постановлении этом еще придется говорить. Сейчас надо остановиться лишь на одной его чрезвычайно характерной черте.

Партийная пропаганда сейчас подвергается коренной реформе. Ошибочная затея об'единить в кружки всех коммунистов», «погоня за огульным охватом» решительно осуждается. Это звучит, казалось бы, так невинно и даже разумно. Но под отказом от «огульного охвата» скрывается отнюдь не «невинная» мысль. И при внимательном чтении километрического постановления ЦК смысл его выступает все более отчетливо. «Практика нашей партийной пропаганды, сосредоточившись на охвате, главным образом, рабочих от станка, упустила из виду командные кадры — нашу советскую партийную и непартийную интеллигенцию». «Краткий курс истории ВКП обращен в первую очередь к руководящим кадрам партийных, комсомольских, хозяйственных и иных работников, ко всей нашей партийной и непартийной интеллигенции как в городе, так и в деревне». Впрочем только ли «в первую очередь»? Когда от принципиальной формулировки задач партийной пропаганды постановление ЦК переходит к ее организационным формам, картина приобретает еще большую отчетливость.

Основной лозунг: — «сократить количество кружков партийного просвещения»: «Вместо существующих ныне на каждом крупном предприятии, в учреждении, в вузе многих десятков, а иногда и сотен кружков, при правильном подходе к делу окажется целесообразным иметь на крупном предприятии, в крупном учреждении, примерно, 2-3 кружка для низовых кадров, 2-3 кружка среднего уровня и 1 повышенный кружок для самых развитых и подготовленных людей». Задача пропаганды среди рабочих уже совершенно забыта. И даже в деревне речь идет лишь о «нескольких кружках для сельской интеллигенции».

Это не значит, конечно, что постановление ЦК принципиально отвергает мысль о пропаганде среди рабочих. Нет, задача пропаганды среди рабочих просто оказалась вне поля зрения авторов постановления. Задача идеологического перевооружения «интеллигенции» носит слишком срочный характер, чтобы можно было распылять силы и возиться с рабочими. И постановление ЦК строго предписывает: «Считать первоочередной и главной задачей парторганизаций в области пропаганды ликвидацию теоретической и политической отсталости кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечив всяческую помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом».

Национал - большевизм, идущий на смену пролетарской идеологии большевизма, решительно заявляет свои права.

А ШТЕЙН.

Двадцать лет спустя ...

Один остроумный французский публицист выразил свое мнение о теперешней международной ситуации словами: «Англия и Франция выиграли войну и проиграли мир». Эта формулировка удачно характеризует результаты двадцати лет послевоенной политики, за которую несут ответственность не только господствующие буржуазные классы, но — отчасти — и партии и организации рабочего класса.

Когда 11-го ноября 1918 г. было подписано перемирие на Западном фронте и прекратились повсюду военные действия, величайшая радость охватила народные массы — у победителей и у побежденных. Германский милитаризм, главный виновник мировой войны, капитулировал перед Францией и Англией, которым неисчерпаемые рессурсы и прямая помощь Соединенных Штатом помогли выиграть войну. Но мир, продиктованный державами - победительницами, не соответствовал ни идеям президента Вильсона, ни — еще меньше — требованиям социалистических партий, выступивших повсюду за «мир без победителей и побежденных», за мир, не несущий в себе зачатков новых конфликтов, новых столкновений между государствами и народами.

Если бы, в результате войны, государственная власть перешла повсюду в руки пролетариата, мирные договоры, заключенные в 1919 г., носили бы иной характер. Но трагедия мира заключалась в том, что революционные движения восторжествовали — если оставить в стороне Россию, вышедшую на некоторое время из орбиты европейской политики — лишь в побежденных странах, в Германии и Австро-Венгрии, в то время как

в странах-победительницах, в Англии, Франции и Италии пролетариат, несмотря на сильный рост своего влияния, не в состоянии был в значительной степени воздействовать на характер той «Новой Европы», которая явилась результатом мировой войны.

Мирные договоры были результатом стремления руководящих политических и военных кругов Англии и Франции обезопасить себя от возможного «реванша» со стороны прусского милитаризма, разбить основы германского империализма и возложить главную тяжесть «репараций» на побежденные страны. Лишь в статуте Лиги Наций и созданных при ней учреждений намечался тот новый путь международной политики, который мог бы вывести мир из того тупика, в который он попал благодаря близорукости и классовому эгоизму тогдашних вершителей судеб европейской политики.

***

Противоречивость и несостоятельность мирных договоров усугублялась еще тем, что вскоре выплыла наружу и глубокая рознь между политическими устремлениями Англии, Франции и Италии.

Наиболее пострадавшая во время войны и наиболее угрожаемая со стороны соседней Германии Франция старалась упрочить свое положение как первой континентальной державы не только непосредственным ослаблением экономической и военной силы Германии, но и тесным союзом с Польшей и Чехословакией, созданными на основе «самоопределения наций», равно как и с Румынией и Югославией, увеличенными в своих размерах после «ликвидации» Габсбургской монархии. Не доверяя демократическим и социалистическим силам Веймарской республики, боясь даже как огня усиления германского рабочего движения, буржуазно - капиталистические круги Франции в своем близоруком классовом эгоизме сами задержали консолидацию германской демократии, единственного гаранта прочного мира, сами своей политикой притеснения способствали нарастанию воинствующего германского национализма, ставя «политику силы» выше ликвидации векового антагонизма между Германией и Францией.

Это усиление Франции вызвало крайне недружелюбное отношение со стороны Англии, старавшейся — в согласии с вековой традицией великобританской политики — сохранить за собой роль «арбитра» Европы путем ослабления всякого другого претендента на европейскую гегемонию. Одновременно Италия, почувствовавшая себя «обойденной» при разделе добычи и скоро подпавшая под власть фашизма, стала источником всяких международных интриг и носителем того националистического «ревизионизма», который начал распространяться в Центральной Европе. Недаром Гитлер, Розенберг и другие основоположники национал - социализма издавна возлагали свои надежды на помощь Италии и Англии — вся послевоенная политика этих держав шла в пользу вновь зарождающегося германского милитаризма и того глубоко реакционного национализма, который под маской борьбы за «равноправие» уже во времена Веймарской республики заложил основы для победы фашистского «динамизма» во внутренней и внешней политике Германии.

С неимоверным трудом, общими усилиями французского и германского социализма, удалось передвинуть французскую политику на другие рельсы. После заключения Локарнского договора 1925 г. и вступления Германии в Лигу Наций началась, как будто, новая эпоха в европейской политике. Целый ряд ограничений, продиктованных Версальским договором, был до истечения установленных сроков отменен во время канцлерства Германа Мюллера. Но упорство, с которым французская буржуазия цеплялась за злосчастную репарационную политику, усиливавшую экономический кризис Германии, уничтожило плоды политического сближения между обеими странами и толкнуло широкие круги германского народа в об'ятия фашизма. А вместе с крушением демократического строя в Германии — крушением, в котором повинна и недостаточная активность германского рабочего класса — изменилась в корне и вся та политическая система в Европе, которая была установлена в результате мировой войны.

***

1933 год, год пришествия Гитлера к власти, является переломным в истории послевоенной Европы. И до него фашизм уже около десяти лет обосновался на окраине Европы, в Италии, но он здесь не мог играть никакой самостоятельной роли. Теперь же итальянский фашизм, в союзе с германским, мог заложить основы той оси, которая ныне играет первенствующую роль в европейской политике.

Под видом «национального социализма» пришел в Германии к власти старый довоенный «пангерманизм», который, правда, потерпел поражение в период мировой войны, но, собравшись с силами, опять ринулся в бой за осуществление программы «Великой Германии», за новый «передел мира», за гегемонию Германии в мировой политике. Ровно через 20 лет после поражения 1918 года он возобновляет мировую войну с того пункта, на котором он вынужден был ее прекратить в виду истощения сил и потери союзников. Этой открытой агрессии, идущей по стопам пангерманской программы «Гамбург-Берлин-Багдад», предшествовали несколько подготовительных этапов:

1933 г.: Выступление Германии из Лиги Наций.

1934 г.: Договор между Германией и Польшей и совместное торпедирование обеими странами плана Барту, Бенеша и Литвинова о заключении «Восточного пакта» для взаимной гарантии границ всех стран на востоке и юго-востоке Европы.

1935 г.: Об'явление всеобщей воинской повинности и переход к открытой подготовке войны. Помощь Италии во время абиссинской войны.

1936 г.: Вступление в демилитаризированную Рейнскую область, разрыв «Локарнского договора» и ускоренное возведение укреплений на левом берегу Рейна.

1937 г.: Интервенция, совместо с Италией, в Испании. Заключение «Анти-Коминтерн-пакта» с Италией и Японией и дипломатическая помощь последней в войне против Китая.

1938 г.: Аннексия Австрии, захват значительной части чехословацкой территории и превращение Чехословакии в вассальное государство.

Методы, при помощи которых Гитлеру удалось осуществить последние этапы своей агрессии, особенно ярко освещают процесс низведения бывших «победителей» на роль «побежденных», проигравших по собственной вине тот «мир», который был установлен в Версале. На место продиктованного в Версале мира стал теперь «Мюнхенский мир» — первый этап того «германского мира», который Гитлер, при содействии Муссолини, собирается продиктовать Европе, если западные демократии останутся на той позиции, которую они заняли в дни сентябрьской катастрофы.

***

Но какая разница: «Версаль» или «Мюнхен»? Оба являются результатом политики буржуазно - капиталистических классов, от которых пролетариату ждать нечего! Лучше даже «Мюнхен», чем «Версаль», ибо заключенный в Мюнхене мир, по крайней мере, обошелся «дешевле», чем Версальский мир!

Кто так говорит, тот не осознал еще ни характера переживаемой нами эпохи, ни той пропасти, к которой

приближается мир благодаря капитуляции демократических стран перед угрозами и блэфом фашизма.

Как ни был плох «Версаль», он все же был связан с идеей создания универсальной, надгосударственной организации, с идеей укрепления международного права и коллективной безопасности, с идеей постепенного разоружения и замены войны обязательным арбитражем. От «Версаля» и созданной и Лиги Наций все же была открыта дорога вперед: к устранению несправедливостей договоров 1919 г. и к демократизации внешней политики — надо было лишь в каждой отдельной стране энергичнее бороться за эти цели, как и за прочие цели демократии и социализма.

А дорога от «Мюнхена» — куда она ведет? Нам говорят: также к «сговору» и к «миру». Но «сговору» с кем? С фашистскими диктатурами, которые не дискутируют, а *приказывают*, опираясь на угрозы и устрашения. И к какому «миру»? К миру, еще более «похабному», чем Версальский или даже Брест-Литовский, ибо теперь, без попытки сопротивления, «мирно» отдается агрессору то, что нужно ему для сохранения диктатуры над собственным народом и для распространения этой диктатуры и на соседние страны.

Но где причина этого, на первый взгляд, непонятного отступления западных демократий перед натиском фашистского «динамизма»? «Простого»; суммарного об'яснения этого явления нет и не может быть, ибо тут действует целый ряд экономических, политических и социальных факторов, влияющих то отдельно, то в причудливых сочетаниях на исход очередного внешнеполитического «кризиса». Тут и общее благосклонное отношение влиятельных буржуазно - капиталистических кругов к фашистскому режиму, как орудию против освободительной борьбы рабочего класса, вместе с прямой заинтересованностью этих кругов в вызванной фашизмом гонке вооружений; тут и боязнь открытого банкротства Германии и Италии, в которой инвестированы миллиарды иностранного капитала, вместе с общей боязнью, что крушение фашистских диктатур вызовет под'ем социально революционных движений в Европе и во всем мире; тут, наконец, и выступающее наружу превосходство даже фашистского «планизма» над частно капиталистической анархией не только в области вооружения и милитаризации хозяйства, но и концентрации народных сил для борьбы на мировом рынке и для создания своеобразного «народного» империализма

Все эти факторы действуют на фоне эгоистической, разноречивой политики великих держав. *Великобритании*, дрожащей над целостью своей империи и готовой для сохранения ее не только «отдать» Гитлеру Чехословакию, не только признать, — как заявил Чэмберлен, — «доминирующую роль» Германии в юго-восточной Европе, но и «сговориться» с ней — опять-таки за счет союзников и друзей — о новом разделе мира и распределении «сфер влияния»; *Франции*, низведенной благодаря политике Англии и собственной слабости на роль второстепенной державы, стремящейся лишь к охране того, что осталось еще от былого могущества; *России*, потерявшей то влияние, которым она обладала непосредственно после вступления в Лигу Наций, и все более склоняющейся к политике изоляции и добровольного ухода из европейской политики.

Вот итог, который пока-что намечается при рассмотрении общих результатов двадцати лет послевоенного развития. Перемена разительная, не только в области соотношения сил в мировой политике, но и в функциональной роли тех социальных сил, которые определяют характер политики отдельных стран. Но видеть эту перемену не всем дано: развитие *сознания* сильно отстает от развития *реальностей* общественной жизни. Вот причина того, что даже в кругах социалистического авангарда рабочего движения многие не видят диалектики исторического развития и цепляются за лозунги и формулы, которые были хороши в годы мировой войны, но потеряли всякую ценность после глубокого переворота последних лет.

Что поэтому нужнее всего — это *прояснение сознания*, *переоценка старых ценностей* в свете происшедшего перелома всей общественной жизни и мировой политики и соответствующая *активизация сил* в рабочем движении демократических стран. Что нужно — это *новый Циммервальд*, не в смысле новой международной группировки вне или наперекор существующему Интернационалу, но в смысле *концентрации тех идейных сил* в международном социалистическом движении, которые хотят привести сознание в соответствие с реальностями жизни и этому *новому сознанию* подчинить политику рабочего класса в странах демократии, как и в странах фашистской диктатуры.

ВЫСТРЕЛ ГРИНШПАНА

В момент, когда несчастный юноша Гриншпан сидит в тюрьме и ждет своей участи, а зверские погромы в Германии вызывают чувство величайшего возбуждения и негодования не только в еврейских массах, но и у всех порядочных людей без различия наций, — в момент, когда господствуют эмоции, чувства, страсти, трудно ссылаться на доводы холодного рассудка и трезвой логики. Но как бы ни была трудна такого рода задача, ее необходимо выполнить. Ибо нельзя оставить в данный трагический момент еврейскую молодежь в исключительной власти гнева и страстей.

В тысячелетней истории еврейского народа в Европе не раз бывали моменты, когда чувство гнева, мести, оскорбленного человеческого достоинства и опозоренной национальной чести владели умами и сердцами еврейских масс и еврейской молодежи. Не вдаваясь в глубь веков, достаточно указать на погромы 1905-6 гг. в царской России, на зверства украинских погромщиков в годы гражданской войны 1918-20 гг. и т. п. Но в каждый из этих трагических моментов, когда аргументы непосредственного чувства и морали не только в глазах самого еврейства, но и перед судом общественной совести всего мира могли бы оправдать самые резкие акты еврейского террора и мести, — коллективный разум еврейского народа неизменно отвергал подобного рода действия. Возможно, что в известных слоях еврейского народа тут действовали чувства страха, запуганности, пассивности, — но разве не характерно, что и самые революционные, самые боевые, самые героические элементы еврейского народа, как, напр., бундовский пролетариат, в годы 1903-6 выступали решительными противниками террористических актов в ответ на гонения против еврейского народа?!

Правда, имеется огромное различие между тем положением, в котором еврейское революционное движение находилось в царской России, и тем положением, кото-

рое создалось сейчас для порабощенных гитлеризмом или изгнанных из своей родины немецких евреев. Проблему борьбы против еврейских погромов в России Бунд разрешал той гигантской революционной борьбой, которую он, в тесном единении с пролетариатом всей России, вел против самих основ русского самодержавия. Так было тогда. Но где-же теперь, — спросят нас, — то революционное движение в Германии, которое могло бы взять на себя общую задачу борьбы против основ гитлеровского режима и этим самым разрешить и проблему борьбы против штрейхеровского антисемитизма? На этот вопрос не так легко ответить, как в России во времена Кишинева и Белостока. И оттого, что ответ этот не такой простой и легкий, оттого и возникают настроенния отчаяния и безысходности среди лишенной почвы, изгнанной, бездомной еврейской молодежи из Германии.

Но как бы об'яснимо ни было с точки зрения психологической и моральной негодование и отчаяние жертв гитлеровского ада, голос политического рассудка и революционной целесообразности не должен умолкнуть именно в среде боевых и сознательных элементов еврейского народа.

Мы хорошо знаем, — и это доказано неопровержимыми фактами, — что выстрел Гриншпана был чисто индивидуальным фактом, за которым не стояла никакая группа, никакая организация, никакое политическое направление. То был акт индивидуального отчаяния, вызванного поистине безвыходным положением, в которое, по трагическому сцеплению обстоятельств, попал сам Гриншпан во Франции и его семья в «ничьей земле» между Германией и Польшей. Но нельзя допустить, чтобы выстрел Гриншпана стал исходной точкой героической легенды, которая завела бы загнанную в тупик еврейскую молодежь на опасный самоубийственный путь; нельзя допустить, чтобы дело Гриншпана было использовано аналогично тому, как террористический акт Бен-Юсифа в Палестине был использован на другом секторе еврейской общественности и на другом участке «еврейского фронта»...

Именно потому, что отчаяние так велико, а искушение так сильно; именно потому, что терроризм психологически является наиболее легким и простым выходом из той моральной трагедии, которая совершается сейчас в еврейском мире, — именно поэтому ответственные, социалистические, истинно революционные элементы должны иметь мужество со всей решительностью и категоричностью выступить против террористических настроений, которые могли бы создаться в сердцах и душах доведенных до крайнего отчаяния людей.

Если и не видно сейчас еще на поверхности прямого революционного движения в стране гитлерима, если даже фашистскому блоку удается еще одерживать победы, а буржуазно демократические страны продолжают еще отступать перед натиском фашистских агрессоров, — то последнее слово в исторической борьбе между фашизмом и рабочим классом мира еще не сказано. Единственный действительный ответ, который еврейский народ, как нация, и еврейский рабочий класс, как класс, могут дать на зверства фашизма и антисемитизма, — это самая полная, самая преданная, самая беоговорочная поддержка всех тех сил, которые ведут активную политическую борьбу против мировой реакции.

Сейчас более, чем когда-либо, применим старый революционный принцип еврейской социалдемократии: судьба еврейского народа не может быть разрешена как отдельная изолированная проблема. Только в связи с общей проблемой страдающего человечества, только с победой социалистической демократии над фашистским варварством, сможет быть разрешена и проблема будущности еврейского народа.

Ясно, однако, что этот принцип тем лучше будет воспринят доведенными до отчаяния еврейскими массами, что еврейская молодежь в тем бо́льшей степени окажется способной воспринимать свои революционные задачи политически, а не морально-психологически, — чем бо́льшую активность и решительность в борьбе против фашизма и антисемитизма проявят силы международного социализма и мировой демократии. Выстрелы Гриншпанов прекратятся тем скорее, чем реже европейские демократические страны — своей брутальной политикой выселения — будут ставить в безвыходное положение еврейских молодых людей, убегающих из гитлеровского ада; чем больше демократические страны будут проявлять человечности и гуманности по отношению к семьям Гриншпанов, валяющимся в «ничьей» полосе между двумя границами; чем меньшую уступчивость демократические страны будут проявлять по отношению к Гитлеру, и чем решительней и тверже они будут давать отпор наглым требованиям антисемитско-фашистских диктаторов.

Р. АБРАМОВИЧ.

Камо грядеши, Франция?

В настоящий момент, когда зловещие круги, идущие от мюнхенского камня, так широко и глубоко всколыхнули политическую жизнь Франции, французскому рабочему классу более, чем когда-либо нужно иметь перед глазами какую-то перспективу при определении своей политической линии.

Ряд социалистических писателей строят такую перспективу «дальнего прицела»:

Капитуляция правящих кругов Англии и Франции перед фашистским блоком лишний раз доказала, насколько фашистские тенденции становятся доминирующими в кругах европейской буржуазии, даже в так называемых демократических странах. Европейский капитализм не имеет ни силы, ни желания по настоящему бороться против агрессивного империализма стран тоталитарных, а стремится к соглашению с ними за счет рабочего клсса, т. е. путем все большего фашизирования своих собственных стран. Но и чисто-хозяйственно капитализм демократических стран, в частности Франции, в своей теперешней упадочной стадии не в силах выйти из экономического тупика мерами старого либерального капитализма. Перед страной стоит поэтому альтернатива: либо переход к государственному капитализму фашистского типа, либо опять-таки государственное плановое хозяйство социалистического типа.

Из всего этого вытекает, с одной стороны, полная обреченность и всего современного строя буржуазно-капиталистических стран и демократических институций. Все ускоряющаяся фашизация всех слоев упадочно-буржуазного общества делает иллюзорной для пролетариата и всякую надежду на коалиционные комбинации с либерально-демократическими элементами (ведь

вот даже радикал - социалистическая партия Франции, партия Даладье и Шотана оказалась ненадежной союзницей для пролетариата). Нет, следовательно, никакой надежды ни на образование того анти - фашистского блока в демократических государствах при поддержке социалистического пролетариата всего мира, о которой мечтали в свое время многие социалисты, ни даже на спасение основ демократической государственности в тех странах, в которых она еще сохранилась. Победоносному шествию фашизма не противостоит ни в области международной, ни во внутренней политике страны никакая иная сила, кроме чисто-пролетарских организаций. И нет, следовательно, для пролетариата никакой другой практики, кроме революционного противопоставления пролетарской революции контр-революции фашизма.

Вот схема, которая напрашивается сама собой и которую логически легче всего построить, но которая политически является, по нашему глубокому убеждению, не только бесплодной, но и в высокой степени вредной.

В самом деле, какая практическая политика вытекает из этой схемы в данный момент для французского или британского социализма? При ином соотношении общественных сил эта концепция могла бы быть программой социальной революции. Гниение и разрушение старого мира в другой исторической обстановке были бы благой вестью для ожидающего своего часа революционного пролетариата. Если бы распад старых социальных тканей сопровождался одновременным нарождением в недрах общества могучего революционного движения новых классов, если бы развал старого строя шел параллельно с накоплением элементов строя будущего, все больше концентрирующего вокруг себя трудящиеся массы города и деревни, — то противопоставление социалистической революции фашизму было бы плодотворным, оптимистическим и действительно революционным. И тогда тактика пролетариата не могла бы быть и не должна была бы быть иной, чем тактикой подготовки «прямого действия», революционного захвата власти, а, следовательно, и уклоненния от каких бы то ни было бесполезных в этой ситуации даже вредных компромиссов. Но если историческая обстановка такова, что революционной ситуации нет ни в одной стране; что могучего под'ема пролетарских классов не наблюдается, а искусственно вызвать его нельзя; что так называемые средние или промежуточные классы не тянутся за пролетариатом, а, как это показывает опыт последних двух лет во Франции, все больше и больше передвигаются в сторону буржуазных анти-пролетарских настроений; что поставленные перед альтернативой: фашизм, как средство сохранения социального «статус кво» и буржуазного порядка, или социальная революция, сопровождаемая гражданской войной и иностранной интервенцией, средние классы почти целиком выскажутся за первый выход из положения *); если, повторяем, историческая ситуация такова, как это вытекает из собственных предпосылок авторов указанной схемы, то перспектива, нарисованная нами выше, из оптимистической и революционной превращается в олицетворение крайнего пессимизма и безнадежности. Стать на почву этой перспективы — значит заранее признать себя побежденными, значит заранее исходить из того, что в исторической тяжбе между фашизмом и социализмом победителем окажется на ближайший исторический период фашизм. А что будет после него — этого ведь ни один самый острый ум сейчас еще не возьмется предсказать...

***

В свете этой лишь по внешней видимости «революционной», а на деле глубоко безнадежной и пораженческой перспективы бесцельной и бессмысленной делается вообще всякая тактика соц. партий. Искать компромисса и сотрудничества с элементами разлагающегося капиталистического общества невозможно, да и не стóит, ибо даже либерально--демократические слои ведь неудержимо сползают к фашизму и надежными союзниками быть не могут. Готовиться к революционным выступлениям? Это было бы логично, если бы кто-нибудь верил в возможность успеха. Но все понимают, что для успешной революции в настоящих условиях нет ни во внутреннем, ни тем менее в международном масштабе ни об'ективных, ни суб'ективных предпосылок. И так как все решительно это чувствуют и сознают, то переход французских и английских социалистов на почву указанной выше концепции имел бы своим последствием не активирование энергии рабочих, а рост пассивности; не усиление позиций пролетариата в борьбе с фашизмом, не привлечение к ним симпатий средних классов, а полную изоляцию рабочего класса, а следовательно и крайне опасное ослабление его.

Конечно, нам пришлось бы волей-неволей примириться со всеми этими печальными последствиями, если бы предпосылки, лежащие в основе этой перспективы, соответствовали действительности. Но к счастью это не так.

Самая решающая и основная из этих предпосылок, — представление о непредотвратимом скатывании в сторону фашизма всех слоев буржуазного общества, так же мало соответствует истине, как и другая из этих предпосылок — представление о безысходной «упадочности» капитализма в основных странах старого мира.

При всей наличности фашистских симпатий в известных слоях капиталистических классов всех стран, совершенно неправильно было бы утверждать, что основная масса средних классов в странах старой демократии перешла или собирается перейти в лагерь фашизма. Наоборот, под влиянием опыта фашизма, в особенности германского, полоса фашистского увлечения прошла или ослабела даже там, где она некоторое время была довольно сильна. Достаточно указать на Швейцарию, Голландию, Бельгию, Скандинавские страны или Англию, где Мослей только что покинул тонущий корабль черных рубашек, — не говоря уже о Соед. Штатах. Опыт фашистских стран показал самым широким слоям населения, даже буржуазным, какою дорогою ценою покупается при тоталитарном режиме тот «порядок», к которому они стремились, тот рост национального потенциала, который им так импонировал. Они знают теперь уже, что при фашизме в рабство, экономическое, политическое, моральное рабство к подонкам общества попадают не только «коммунисты», не только строптивый рабочий класс, как они себе по наивности представляли, но и они сами, носители культуры, цивилизации и порядка.

Можно признать, что для Германии гитлеровская диктатура была исторически - национальной необходимостью, что только через тоталитарную военно - партийную диктатуру возможно было то чудодейственное возрождение германского империализма, германской мощи, германской гегемонии в Европе, какое произошло

*) Ведь даже в героической Испании, где пролетариат никак нельзя упрекнуть в недостаточной революционности и решительности, и где средние классы в значительной части пошли с рабочим классом, — участие этих средних классов в активном сопротивлении против Франко удалось обеспечить, при данной международной ситуации лишь на почве отказа организованного пролетариата от социалистической революции. Не только социалисты, но в еще большей степени коммунисты, а в последнее время даже анархо-синдикалисты всячески подчеркивают буржуазно - демократический характер испанской республики.

за последние пять лет после пятнадцати лет версальского договора, национального унижения и территориального расчленения. Да и то эту «историческую необходимость» надо понимать условно: при иной политике держав Антанты, при иной тактике международного социализма или германского пролетариата был выход для Германии из национального тупика и вне гитлеровского режима.

Но если возникновение и победа национал-социализма в Германии, вызванная не общим упадочным характером германского капитализма, а национальными и империалистическими интересами капиталистических классов, бюрократии и интеллигенции этой разрушенной в результате неудачной войны великой империи, до известной степени в данной исторической обстановке являлись предопределенными, то этого никак нельзя сказать об основной массе буржуазных классов Англии, Скандинавских стран, или даже Франции. Нет такого национального интереса, даже с точки зрения буржуазии, который заставил бы сейчас «буржуазную страну» в названных государствах пойти на рискованный эксперимент фашистского переворота. Такого рода интерес возник бы только тогда, если-бы агрессивная тактика пролетариата в сочетании с определенной внешней обстановкой поставила бы буржуазные классы, в том числе средние слои, перед дилеммой: гибель в социальной революции или спасение через фашизм. В этом случае основная масса буржуазии избрала бы, конечно, последнее. Но вне этой гипотетической постановки нет никаких оснований предполагать, что средние классы демократических стран неудержимо стремятся в об'ятия фашизма. Наоборот, опыт Скандинавских стран, на которые мы уже сослались, и даже опыт Народного Фронта во Франции является неопровержимым доказательством тому, что политическое и социальное сотрудничество между мелко-буржуазными классами и пролетариатом вполне осуществимо на достаточно длительный период даже на данной стадии развития капитализма. При одном, конечно, непременном условии: что пролетариат не поставит в порядок дня вопроса о самом существе современного строя, что он мощью своей организации и на путях добровольного самоограничения гарантирует в известных пределах стабильность социальных отношений и мирно-эволюционный характер того социального прогресса, от которого пролетариат, конечно, никогда не может отказаться.

Такое сотрудничество — вполне возможное, как показал опыт ряда стран — не только является исторической необходимостью на определенный период по соображениям внутри-политическим, как единственный реальный барьер против фашизма, но оно подсказывается всем ходом вещей и в масштабе международном. Ибо только через такого рода сотрудничество в ряде отдельных стран может быть осуществлен и тот анти-фашистский блок ряда государств, который является единственным шансом спасения мира от фашистского варварства.

Это блок тех государств, которые по своим национальным интересам приходят об'ективно в противоречие с империалистическими аппетитами фашистских агрессоров.

Мы потому так подробно остановились на этих общих предпосылках, что только под этим углом зрения возможен правильный подход и к тому внутреннему кризису, который сейчас, в связи с развалом Народного Фронта и социально - экономическими и финансовыми мероприятиями правительства Даладье-Рейно, назревает во Франции.

***

Во Франции, начиная с падения второго министерства Блюма, просуществовавшего всего 25 дней, все с большей отчетливостью вырисовывается факт перехода пролетариата в состояние отступления. Нам пришлось об этом писать в самом начале апреля сего года в статье, посвященной Национальному Совету французской Соц. Партии от 10 апреля («Французский пролетариат на повороте», «С. В.», № 7). Многие приписывают все произошедшее во Франции от мая 1936 года и до апреля 1938 г. (падение 2-го министерства Блюма) ошибкам социалистической партии или даже ее отдельных лидеров, в частности Леона Блюма. Что ошибки были сделаны, — об этом нет спору. Теперь, когда картина прошедшего гораздо яснее, чем была в свое время, и когда примат международного соотношения сил над внутренними соотношениями классов и партий выявился с особенной отчетливостью (см. чехословацкие события!), теперь с бо́льшей еще уверенностью, чем раньше можно сказать, что одной из этих роковых ошибок, а может быть и самой главной, была капитуляция Блюма перед силами внутренней и внешней реакции в вопросе о «невмешательстве» в Испании. Для многих из нас уже осенью 1936 года было ясно, что испанский вопрос явится для правительства Народного Фронта той «апельсинной коркой», на которой оно поскользнется...

Но произошедшие во Франции общественные и социальные сдвиги, приведшие к нынешнему положению, в основе своей вызваны, конечно, не теми или иными отдельными ошибками, а являются следствием об'ективного соотношения сил, отменить которое не в состоянии была бы и самая безупречная политика.

В период министерства Блюма и расцвета Народного Фронта Франция пережила бурный взлет смелых социальных реформ, в течение нескольких недель ликвидировавших полувековую отсталость Франции в области социального законодательства, вызвавших в массах французского пролетариата столько надежд, — и в то же время глубоко потрясших весь хозяйственный организм страны. Но под'ем в области социальной не сопровождался тем экономическим под'емом, которого тогда социалисты ожидали. А между тем, все понимали, что только общий рост производства, вызванный ростом потребления рабочих масс, сможет компенсировать ту немалую добавочную нагрузку, которую социальные реформы возлагали на придавленную кризисом французскую экономику. В результате — девальвация, рост цен и дороговизна в значительной степени поглотили те материальные улучшения, которые своим натиском вырвал у буржуазных классов французский пролетариат, и в значительной степени свели на нет под'ем покупательной силы рабочих масс. С другой стороны, сознательное сопротивление и саботаж крупных промышленников и финансового капитала все больше усиливали кризис, превратив его в хронический, обострив тем еще больше положение средних классов, в особенности городских.

К экономическим трудностям прибавились финансовые, вызванные не только ростом социальных затрат, но в еще большей степени необходимостью чудовищных издержек на довооружение, — причем в данной международной ситуации рабочий класс, в отличие от прежних годов, не мог даже протестовать против этих тяжелых жертв, а должен был их принять и одобрить.

Но вооружаться бешеным темпом, затрачивать десятки миллиардов на авиацию, артиллерию и флот, на помощь будущим союзникам, и в то же время осуществлять широкий план социальных реформ, — задача чрезвычайно трудная даже для очень богатого и эко-

номически сильного государства. Тем непосильнее она оказалась для Франции, — единственной великой державы, которая до сих пор не преодолела еще последствий великого мирового кризиса, в полосу которого она вступила еще в 1930 году.

Было ясно уже к началу этого года, что без тяжелых жертв со стороны всех классов, в том числе и пролетариата выхода из создавшегося тупика нельзя будет найти. Было ясно, что у преддверия новой мировой войны, в окружении лихорадочно вооружающихся тоталитарных государств, в условиях все еще не изжитого тяжелого экономического кризиса и все возрастающего кризиса финансового, нельзя представлят себе Францию, как некий идиллический остров, на котором сможет мирно изживаться капитализм и беспрепятственно развиваться и цвести социально реформаторская деятельность на пользу рабочего класса.

Но если отступление и жертвы со стороны пролетариата были неизбежны, то это отнюдь еще не означало, что рабочий класс Франции возьмет на себя любые жертвы, какие пожелают на него возложить капиталистические классы, и безропотно согласится отступать до той черты, которую угодно будет провести французским трестам. Начиналась эпоха борьбы за «квоту», за долю пролетариата и других классов в тех тяготах, которые об'ективным ходом вещей возлагались на плечи французского народа. Эта борьба лежала и в основе того конфликта, который возник между правительством Блюма и финансовой комиссией Сената, и которая, в конце концов, привела к падению второго министерства Блюма. И вот в этот момент соц. партия совершила вторую крупную ошибку. Вместо того, чтобы в этом классовом конфликте между крупным капиталом и рабочими массами еще теснее связать себя с политическими представителями средних классов и тем изолировать капиталистов, социалисты изолировали себя, отказавшись — к величайшей радости всей реакции — войти сначала в правительство Шотана, а затем и в правительство Даладье. Они добровольно сдали первоклассные политические позиции, освободив тем радикал социалистов от своего контроля и облегчив им «смычку» с крупно - капиталистическими кликами и интересами. В упомянутой уже нашей статье от начала апреля мы предсказали все те роковые последствия, которые эта тактика самоизоляции и бесперспективной погони за интересами и настроениями сегодняшнего дня должна была повлечь за собой как в области политики внутренней, так и в особенности, международной. Увы, наши пессимистические предвидения оправдались еще в гораздо большей степени, чем мы могли опасаться. В области внешней политики, Боннэ, против которого мы тогда особенно предостерегали и который занял место, предназначавшееся в министерстве Даладье для Блюма, привел к Мюнхену и еще приведет, надо опасаться, к франко - итальянскому пакту за счет испанской республики и ряду других поражений. В области политики внутренней, в частности в решающем вопросе о распределении тягот и национального дохода, самоизоляция пролетариата привела к плану Рейно, между тем как иная политика социалистов могла бы привести к совершенно иным социально - экономическим мероприятиям. Что это не праздная гипотеза, — доказывается лучше всего тем фактом, что еще даже после Марсельского конгресса радикал - социалистов првительство Даладье собиралось издать декреты в соответствии с планом Маршандо, который в основных своих чертах был почти скопирован с финансового плана Блюма. Это значит, что равновесие в радикал - социалистической среде было чрезвычайно неустойчивое, и давление социалистической партии, участвующей в правительстве, извнутри могло бы решить вопрос в более благоприятном для рабочего класса направлении.

Так или иначе, сейчас мы имеем дело с планом Рейно, который вызывает к себе столь единодушное отрицательное отношение со стороны рабочих и их организаций. Мы уже указали на то, что принципиальное согласие на жертвы отнюдь не означает еще безропотное согласие на любые жертвы, которые от пролетариата будут требовать. Но надо в каждой данной ситуации трезво взвесить размер этих жертв и все те внутриполитические и международные последствия, которые вытекают из их приятия или неприятия, из того или иного ответа на требования классовых противников и союзников. И тут надо вспомнить о той общей перспективе, которую мы положили в основу наших рассуждений. Имея перед глазами, в качестве основной задачи эпохи, укрепление сотрудничества между пролетариатом и демократически - либеральными слоями буржуазных и средних классов, должны ли рабочие Франции сделать план Рейно отправным пунктом решительных классовых боев? Должны-ли они, вернее, могут-ли они с надеждой на успех превратить кампанию против декретов Рейно в процесс собирания и концентрации вокруг пролетариата широких масс средних классов в их борьбе против вожделений крупного капитала? Можно ли в нынешней международной обстановке, после опыта и психологического сдвига последних двух лет, ожидать повторения того истинно-национального под'ема, свидетелями которому мы были в апреле-мае 1936 г.? Нам думается, что для этого нет ровно никаких оснований. Наоборот: насколько можно предвидеть, непримиримая, бескомпромиссная борьба против правительства Даладье и его плана, борьба, отвергающая всякий сговор с силами, стоящими за этим правительством, в необычайной степени обострит во Франции все классовые и политические противоречия и, в конечном счете, приведет во все большей степени к опасной изоляции пролетариата, а следовательно и к сближению между всеми буржуазными классами и слоями Франции. А это при данной обстановке означает чрезвычайно опасное усиление фашистской опасности, которая никогда еще не была так реальна, как сейчас.

Но обострение социального и политического кризиса внутри страны немедленно проявится в дальнейшем ослаблении и параличе Франции на арене международной. Всецело поглощенные своей борьбой за социально-экономические требования (и этим против своей воли, конечно, сдвигая правительственную коалицию все дальше вправо) народные массы Франции в момент, когда они сами еще не имеют ясной ориентации — выключат себя из сферы интернациональной политики, оставив ее попрежнему в бесконтрольном распоряжении Боннэ и Фланденов, продолжающих злосчастную цепь капитуляций перед гитлеризмом и фашизмом. Надо сказать прямо, не боясь посмотреть правде в глаза: в данной ситуации обострение социально экономической борьбы во Франции, даже если оно не приведет немедленно к победе фашизма внутри страны, явится прямым подарком международному фашизму и непосредственно приведет к новым уступкам фашистскому блоку со стороны демократических стран.

Социалистическая Франция должна решить для себя

вопрос, куда она идет? Рабочий класс Франции должен выбрать между политикой, которая отстаивает непосредственные материальные интересы, не считаясь с внутри-политическими и международными последствиями, и политикой, которая умеет жертвовать даже самыми законными ближайшими интересами во имя более отдаленных, но более общих интересов класса, исторически совпадающих с интересами нации и человечества в целом.

Куда Франция пойдет, какой из этих двух путей, теоретически не противоречащих друг другу, но в данной обстановке несоединимых, выберет для себя Франция Народного Фронта? От этого зависит сейчас судьба всего человечества.

Ф. ДАН.

На перекрестке двух путей

Сентябрьско октябрьский триумф германского фашизма не только перекроил карту Европы и внес значительные изменения в соотношение сил на мировой арене, но и ударил по сознанию десятком миллионов людей.

По понятным причинам «шок» оказался особенно силен во Франции. Мюнхен формально лишил ее той роли гегемона континентальной Европы, которую она играла со времени последней войны, разрушив всю систему союзов, на которой покоилась эта гегемония. Более того: с высоты своего после-военного величия Франция была как будто сразу низведена на роль державы второго ранга, вынужденной играть при Англии такую же роль «спутника», какую фашистская Италия играет при национал социалистической Германии. И так как это внезапное падение, которое значительная часть общественного мнения ощущала, как национальную катастрофу, было санкционировано отказом самой французской дипломатии от всех принципов ее после-военной политики (коллективная безопасность, взаимопомощь и т. д.), от взятых ею на себя в силу этих принципов обязательств и от заключенных на их основе договоров и встречено восторженными аплодисментами другой части французского общественного мнения; так как, с другой стороны, в самом ходе кризиса уже были мобилизованы на обеих сторонах вооруженные силы и, казалось, только крутым поворотом дипломатического руля удалось предотвратить военную катастрофу; — то естественно, что вопросы войны и мира, вопросы внешней политики вообще встали в центре общественного внимания Франции.

Эти вопросы встали и в центре внимания французского рабочего движения и — разделили его на борющиеся друг с другом, подчас можно с полным правом сказать — враждующие друг с другом, течения. Разногласия в среде французского социализма оказались столь велики, что партия сочла нужным созвать для освещения их на 5-6 ноября специальный информационный Национальный Совет, подготовленный работами особой комиссии и предназначенный, в свою очередь, для подготовки созываемого на Рождество чрезвычайного с'езда партии, который должен будет решить вопросы, лишь поставленные предшествовавшими ему партийными инстанциями.

На страницах «Юманитэ» было бы, разумеется, тщетно искать следов того «брожения умов», которое охватило после Мюнхена и коммунистическую партию. Но что глубокий идейный кризис задел широчайшие рабочие массы всех политических оттенков и всех партийных симпатий, — тому свидетельством служит Нантский с'езд СЖТ (14-17 ноября). И на этом с'езде, как и на партийном совете французского социализма, проявилось сильное «пацифистское» течение, охватившее, сколько можно судить по результатам голосований, более четверти представленных на с'езде синдикалистов.

В своем крайнем выражении: «лучше рабство, чем война» (Матэ, делегат почтовиков на с'езде СЖТ) этот пацифизм перестает быть политическим течением и становится просто перифразой известного изречения: «лучше быть живой собачкой, чем мертвым львом», — возведением в политический принцип естественной и законной физиологической реакции всего живого на угрозу смерти. Но, если оставить эти крайние и выпадающие из политических рамок формы «пацифизма» в стороне, то в основе современного пролетарского пацифизма, повторяющего некритически формулы «циммервальдийского» или революционно-синдикалистского пацифизма 1914-1918 годов, лежит полное непонимание радикально изменившейся международной обстановки, связанной с радикальным изменением экономических, социальных, политических и культурных условий существования капиталистического мира и, в свою очередь, вызывающей радикальное изменение расстановки социальных сил как на внутриполитической арене каждой отдельной нации, так и на интернациональной внешне-политической арене.

До какой степени доходит это непонимание, видно хотя бы из того, что на совете социалистической партии один из наиболее видных представителей «пацифистского» течения счел возможным попрежнему, без всяких оговорок обвинять буржуазию в том, что она «вгоняет нас в войну». Между тем достаточно вспомнить историю Манчжурии и Китая, Абиссинии и Испании, Австрии и Чехословакии, чтобы констатировать что каждый раз, как фашисты и полуфашисты предпринимали новую военную агрессию и над Европой нависала угроза войны, именно капиталистическая буржуазия «вгоняла» нас не в войну, а в мир, в то время, как весь организованный пролетариат, со включением сегодняшних «пацифистов», требовал отпора агрессорам, санкций против них, применения системы коллективной безопасности и взаимопомощи и т. д., и т. д. — словом, мер, которые, противоставляя силам агрессоров силы защитников мира, включали в себя, несомненно, и риск войны.

Значит-ли это, что капиталистическая буржуазия и впрямь стала носительницей идеи мира, а пролетариат — подстрекателем к войне? Конечно, нет! Капитализм основан на кокурренции, внутринациональной и межнациональной, которая неизбежно должна порождать войны, и капитализм не может отказаться от своей империалистической природы. Изменилась не природа капитализма, изменились обстоятельства, и эти обстоятельства заставляют его надевать маску пацифизма и готовить «свою» войну, эксплуатируя для этой подготовки обуревающую народные массы жажду мира точно так же, как в 1914 году он эксплуатировал чувства патриотизма и национализма, и обвиняя социализм в «воинственности», как он в 1914 году обвинял его в «предательстве родины» и измене.

В чем изменились обстоятельства, как в мире упадочного капитализма фашизм становится последним

стражем и последней надеждой господствующих классов, и как эти классы и в демократических странах начинают делать «бережение» фашизма законом своей внешней политики и даже в своей борьбе против империализма фашистских стран капитулируют перед фашизмом каждый раз, когда, вместе с призраком падения фашизма, перед их глазами встает и призрак грядущей социальной революции пролетариата, — об этом я имел уже случай говорить достаточно часто и достаточно подробно, равно как и о том, что эти капитуляции, отсрочивая войну, делают ее тем более неизбежной и предопределяют тем большую ее универсальность. Но стоит несколько остановиться на тех методах «пацифистской» подготовки войны, к которым прибегает буржуазия, чтобы придать этой будущей войне, неизбежность которой она сознает тем отчетливее, что сама ее подготовляет, чисто империалистический характер, по возможности заранее вытравить из нее все социально - революционные элементы.

***

Основным из этих методов и является стремление связать в представлении народных масс свой собственный облик с образом ангела-хранителя мира, а облик социалистов - интернационалистов с образом «поджигателей войны»: это как нельзя лучше пригодится в момент, который капиталистическая буржуазия признает подходящим для «своей» войны, которую она всячески готовит, но которую будет изображать, как навязанную ей, патентованной миротворице! Так называемым «революционным пацифистам» или «революционным пораженцам» нужна поистине неизреченная политическая наивность, чтобы клюнуть на эту удочку и вместе с «миротворцами» капитализма обвинять в «беллицизме» социалистов, повинных лишь в том, что они своевременно разглядели игру буржуазии и поняли, что так называемый «риск войны» есть единственное средство спасти мир, пока он может еще быть спасен, как настойчивое стремление взять в свои руки ведение войны, если и когда она будет все-же навязана человечеству фашизмом, есть единственное средство извлечь из этой войны все таящиеся в ней социально-революционные возможности и не дать ей превратиться в простой пролог универсальной фашизации Европы и вместе с тем универсального упадка ее цивилизации.

Социалистов, стоящих на точке зрения «активного интернационализма», обвиняют в том, что они хотят «идеологической» войны. Правда, если уж употреблять этот термин, то пока что мы видели лишь «идеологический» Мюнхенский мир. Но что значит в этом случае «идеология»? Государственные деятели, заключившие Мюнхенские соглашения, капитулировали перед фашизмом не потому, что разделяют фашистскую «идеологию» или симпатизируют ей (да и кто позволит себе открыто признаться в симпатии к той, с позволения сказать, «идеологии», которая сейчас так красочно проявляет себя в позорящей Германию подлой и гнусной расправе с евреями?), а потому, что капитуляция эта соответствовала классовым интересам тех господствующих классов упадочного капитализма, которые они в Мюнхене представляли или под усиленным давлением которых они вынуждены были действовать. Высоко-образованная, культурная, гуманная капиталистическая буржуазия пасует перед звериным бескультурьем и босяцким варварством фашизма не потому, что разделяет его «идеологию», а, наоборот, мирится с его «идеологией» потому, что видит в нем последнего защитника своих социальных привилегий. Она готова и внутри и во вне страны поступиться в его пользу многим, чтобы не потерять всего, да вдобавок еще сохранить надежду, подавив, скрутив в бараний рог и деморализовав при помощи фашизма трудящиеся массы, вернуть себе в подходящий момент с лихвою все уступленное ему. И когда она говорит о тяготении социализма к «идеологической» войне, то она на самом деле лишь изливает свое возмущение тем, что и в вопросе борьбы за мир, и в вопросе о ведении и целях возможной войны социализм делает руководящим принципом своей политики классовые интересы трудящихся, а не классовые интересы их эксплуататоров.

И о том-же самом идет по существу речь, когда пропагандисты и агитаторы капиталистической буржуазии призывают трудящиеся массы принести все в жертву «национальным» интересам, так как-де только в рамках «национального единения» можно достаточно импонировать фашизму и дать ему достаточно внушительный отпор. В этих «национальных» лозунгах есть ловушка, на которую, к сожалению, поддаются некоторые социалисты, на которую чуть было не поддались, например, кое-какие польские и венгерские товарищи, пытавшиеся строить судьбы своих партий на положительном отношении к «общенациональному» делу урывания клочков чехословацкой добычи и в пользу своих отечеств.

Но «нация» есть понятие не только географическое, а, прежде всего, социальное, и ничто социальное не может быть ей чуждо. Социальные интересы оказывают решающее влияние на форму и содержание интересов национальных. С точки зрения капиталистической буржуазии интересы эти представляются в другом виде, чем с точки зрения трудящихся классов. И когда говорят о «национальных» интересах, как о чем-то, независимом от интересов классовых и ими не определяемом, то на самом деле требуют от народных масс их подчинения господствующим слоям, об'являющим свое понимание классовых интересов пониманием общенациональным.

А между тем наша эпоха капиталистического упадка тем именно и характеризуется, что господствующие классы капитализма перестают играть роль прогрессивного фактора в развитии общества и потому теряют возможность быть представителями «нации», т. е. подавляющего большинства народа, с интересами которого их классовые интересы не только уже не совпадают, но вступают во все более острый конфликт. И, наоборот, рабочему классу незачем отказываться от своих классовых интересов, ему надо лишь понимать и осуществлять их в масштабах, соответствующих величию исторической миссии, падающей на него в эпоху крушения капитализма, чтобы стать «классом-освободителем» в глазах и не-пролетарских, мелко-буржуазных трудящихся масс и тем самым подлинным представителем и гегемоном нации.

В осуществлении этой национальной роли рабочего класса был и остается принципиальный смысл Народного Фронта и возможность и даже неизбежность его нового возрождения, несмотря на пережитое им за два года вырождение и падение. В этом был и остается принципиальный смысл правительства Народного Фронта, которое в своем подлинном виде только и мыслимо «под социалистическим руководством» и которое глубоко отлично от вульгарной коалиции. И в этом только и может быть смысл предвоенного и военного «правительства концентрации всех живых сил нации вокруг Народного Фронта под социалистическим руководством», имеющего задачей и в процессе борьбы за мир, и в ходе возможной войны вырвать мелко-буржуазные трудящиеся массы изпод идейно-политического влияния капиталистической

буржуазии, в отличие от правительств «бургфридена» и «священного единения», имевших, наоборот, задачей подчинить этому влиянию и самый рабочий класс.

**
*

Как видим, в вопросе «национальных» интересов проблемы внешней политики смыкаются с проблемами политики внутренней. Это — потому, что обе эти сферы в наше время вообще неотделимы друг от друга, и внешняя политика господствующих классов, как и внешняя политика пролетариата в решающей степени определяется тою социальною, т. е. внутренне-политическою ролью, которую играет фашизм непосредственно в тех странах, которыми он овладел, и отраженно во всех других странах, тою функциею, которая выпала на его долю в общей системе пошатнувшегося капиталистического мира.

Тесное слияние внешней и внутренней политики — это не теоретическая лишь констатация: именно во Франции оно осуществляется на наших глазах в самой практической форме. «Мюнхенская» внешняя политика может вестись лишь по указке господствующих классов капитализма и предполагает их гегемонию и в политике внутренней, в политике социальной и экономической. Отставка Маршандо и замещение его на посту министра финансов Полем Рейно; закон-декреты, все содержание которых продиктовано не только, а подчас даже и не столько финансовыми соображениями и экономическими выгодами капиталистов, сколько стремлением дать удовлетворение их инстинктам социального господства; угроза окончательного разрушения Народного Фронта в парламенте и правительстве и формирования нового парламентского и правительственного большинства; — все это неизбежные последствия и дополнения «Мюнхена», все это конкретные формы того «национального единения», о котором говорят господствующие классы, как сама «мюнхенская» внешняя политика, в свою очередь, является неотвратимым последствием капиталистического засилия в политике внутренней. Социалисты «пацифисты» могут не видеть этой неизбежной связи. Ее непременно очень скоро заметят те массы, которые даже в слоях, быть может, еще сохраняющих так называемые «пацифистские» иллюзии, единодушно встают на борьбу против новых декретов и в этой борьбе должны будут убедиться, что руководить ею с успехом смогут лишь силы, имеющие совершенно иную социальную базу, настроенные по отношению к фашизму совершенно иначе и потому ориентирующие и внешнюю политику в совершенно ином направлении, чем нынешние господа положения.

На с'езде СЖТ резолюция, призывающая к борьбе против декретов-законов, была принята единогласно. Столь же единогласно совет социалистической партии об'явил заранее свою непримиримую оппозицию правительству, которое захотело бы построить экономическое «возрождение» страны на тех принципах, на которых оно оказалось построенным в декретах Даладье-Рейно. В социалистической и коммунистической парламентских группах, в партийных и профессиональных организациях, в рабочей печати не нашлось ни одного голоса, который посоветовал бы рабочему классу «примириться» с возлагаемыми на него «жертвами» во имя «национальных» интересов борьбы с фашизмом или во имя сохранения союза его с мелко-буржуазными калссами: до такой степени очевидно, что жертвы эти требуются не во имя интересов нации, а во имя интересов капитала; не во имя борьбы с фашизмом, отечественным и иностранным, а во имя компромисса с ним; не во имя сохранения «народно-фронтового» союза с мелкой буржуазией, а во имя восстановления исконного господства капитала над нею, ибо интересы мелкой буржуазии не только не оберегаются новыми декретами, но, наоборот, не менее приносятся в жертву интересам крупного капитала, чем интересы пролетариата.

Но, единогласно протестуя против декретов-законов, рабочий класс Франции тем самым пробивает брешь и в том мнимом «пацифизме», которым заражены еще значительные слои его. И здесь открывается широкое поле работы перед сторонниками «активного интернационализма»: они ни в коем случае не должны предоставлять процесса выпрямления внешне-политической линии пролетариата стихийному течению, которое может ведь сильно отстать от хода событий; они должны сознательно воздействовать на этот процесс. Но для этого «активный интернационализм», и на совете соц. партии, и на с'езде СЖТ противоставивший себя «пацифизму» в виде блока «левой» и «центра», должен сам освободиться от двусмысленности, вносящей разногласия в его ряды, должен последовательно и до конца продумать свою концепцию, которая опять-таки должна быть целостной концепцией, в которой не может и не должно быть разрыва между внешне-политической и внутренне-политической установками.

Нельзя придти к такой целостной концепции и нельзя, следовательно, успешно критиковать социалистический «пацифизм», если не отдать себе ясно отчета в социальном характере нашей эпохи и свойственных ей войн и в социальной функции фашизма — специфического продукта этой эпохи.

Капитализм с его экономикой, построенной на конкуренции, бесповоротно умирает. Общество может жить уже только на началах плановой, «управляемой» экономики. Но замена конкурренционной экономики экономикой плановой может совершаться в двух направлениях: социалистически революционном и фашистски контрреволюционном. Фашизм, убивая конкурренцию внутри страны, тоже убивает самое душу капитализма, но он делает это 1) замораживая производительные силы общества или давая им исключительно военное направление, 2) сохраняя за господствующими классами капитализма положение привилегированных паразитов, 3) непрерывно понижая культурный и моральный уровень общества и 4) до крайности обостряя конкурренцию между нациями, т. е. ставя в порядок дня войну. Социализм убивает капитализм, чтобы на его место поставить систему планового хозяйства, открывающую возможности нового грандиозного под'ема производительных сил, культурного и морального роста общества и мира, основанного на замене и межнациональной конкурренции социалистическим сотрудничеством наций. Между этими двумя системами преодоления капитализма — фашистской и социалистической — только и должна выбирать политика пролетариата, чтобы быть не утопической, а реалистической в подлинном, историческом смысле этого слова. Есть два пути, только два пути, — и рабочий класс должен знать, по которому он хочет идти.

Это не значит, конечно, что пролетариат должен сегодня-же «делать революцию» или пребывать в бездействии, пока революция не будет «сделана». Неужели надо еще говорить об этом? Но это значит, что направление на социалистическое преодоление капитализма должно определять всю текущую политику пролетариата — внутреннюю и внешнюю — со всеми ее неизбежными компромиссами, полумерами и остановками. Лишь твердо определив свое направление, социалистическая политика сможет без труда ре-

шать и все практические вопросы движения — все равно, касаются-ли они методов борьбы за мир и поведения рабочего класса в ходе возможной войны, или форм, задач и функционирования Народного Фронта и собирания всех сил нации, способных и готовых противоставить себя фашизму, и отечественному, и иностранному.

И опять-таки Франция, более, чем какая либо другая страна, дает нам сейчас наглядный пример того, как самый ход событий навязывает всем отрядам рабочего класса, поверх разделяющих их сегодня временных «идеологий», общий им всем единый подход к вопросам фашизма и через вопросы фашизма к вопросам войны и мира. В железной поступи событий и можно черпать оптимистическую уверенность в том, что раздирающий ныне рабочее движение идейно - политический кризис будет преодолен под'емом рабочего движения и рабочей политики на уровень, соответствующий великим задачам рабочего класса в великое по своим историческим последствиям время.

Заграницей

ШВЕДСКИЕ С. Д. О БЕЖЕНСКОЙ ПРОБЛЕМЕ И СССР.

В связи с потоком беженцев, вызванным расчленением Чехословакии, и еще до того, как гитлеровские громилы своими антисемитскими зверствами во много раз обострили беженский вопрос, орган наших шведских товарищей «Социал-Демократен» писал в номере от 20 октября:

«Для малых демократических государств иммиграция не может, в конце концов не превратиться в ощутительное бремя. В Швейцарии имеется не менее 80.000 беженцев. Скандинавские страны поглотили лишь незначительную часть беженского потока. По мнению некоторых и это слишком много, по мнению других — слишком мало. Но все, что могут делать скандинавские власти, — это давать в отдельных случаях разрешения на в'езд и на пребывание в стране. С точки зрения отдельных лиц это, конечно, очень важно, но такого рода помощь ни в коем случае не может разрешить проблему, касающуюся сотен тысяч и даже миллионов человеческих существований. Эту проблему должны поставить перед собою великие державы, особенно — вопрос о судетских и чешских беженцах. Полную ответственность за создавшееся тут положение, очевидно, должны нести Великобритания и Франция. Надо признать, что Франция приняла за последние годы свыше 100.000 беженцев. Но что делает Великобритания, во владении которой находится бо́льшая часть заокеанских территорий, могущих принять иммигрантов?

«Социалистам приходится сказать несколько слов и о позиции России в беженском вопросе. Россия и сейчас еще называет себя социалистическим и пролетарским государством. Ни одна партия и ни одна страна так часто не хвалится своею международною и пролетарскою солидарностью, как коммунисты и русские. Но что-же они сделали, чтобы помочь социалистическим беженцам? Ничего! В 1933 и 1934 годах они впустили к себе некоторое количество австрийцев и немцев. Но что с ними стало? Их заточили в тюрьмы, расстреливали, высылали. Не постыдно-ли, что остается неразрешенной проблема социалистических беженцев, когда имеется социалистическая держава, насчитывающая 180 миллионов жителей и фактически располагающая целым континентом? Как тут не провести параллель с отношением Третьего Райха к национал-социалистическим беженцам из Австрии, числом до 50.000, которых Германия кормила и одевала в течение четырех лет? Сталинский-же режим не разрешает в'езда даже правоверным коммунистам, о социалдемократических и демократических беженцах нечего и говорить. Поведение русского правительства и русской коммунистической партии в беженском вопросе нельзя назвать иначе, как скандальным, как вопиюще предательским».

Приходится признать, что резкая оценка, данная шведскими товарищами поведению сталинской диктатуры в беженском вопросе, тем более обоснована, что в оправдание этого поведения она не может ссылаться на ту «конкуренцию» беженцев отечественным промышленникам, торговцам, ремесленникам, рабочим, интеллигентам и т. д., которая служит обычным предлогом для анти-беженских мероприятий реакционерам всех стран: в СССР, ведь, вообще уничтожена конкуренция, там нет безработицы, нет избытка, а, наоборот, есть недостаток квалифицированных сил. Правда, сталинская диктатура ссылается на тех «шпионов и диверсантов», которых ей подсылают под видом беженцев — главным образом, коммунистических. Но решать проблему, касающуюся, как справедливо говорят шведские товарищи, миллионов человеческих существований, с точки зрения тех, скажем, десятков шпионов, которых и впрямь могут подослать враждебные правительства, — это тоже метод, везде и всюду пускаемый в ход самыми заскорузлыми реакционерами, да к тому-же в высшей степени компрометантный для «нашей советской контр-разведки», от недреманого ежовского ока которой, как известно, ни один враг и супостат скрыться не может...

ЗАКРЫТИЕ НЕМЕЦКОГО «СОЦИАЛДЕМОКРАТА» В ЧЕХОСЛОВАКИИ.

9 ноября вышел в свет последний номер «Социалдемократа», центрального органа Немецкой Социалдемократической Партии в Чехословацкой Республике, существовавшего непрерывно в течение свыше 17 лет. В номере напечатано следующее **постановление партийного руководства:**

«4 ноября партийное руководство НСДРП собралось для обсуждения актуальных вопросов. По выслушании доклада депутата Якша и после серьезного обсуждения, было — без е иного голоса против решено, учитывая Мюнхенские решения, признать и формально невозможность продолжения партийной деятельности в прежнем виде и приостановить после 9 ноября выпуск партийной прессы».

В своей последней передовице, комментирующей это постановление, газета пишет между прочим:

«Приходится выполнить самое тяжелое из когда-либо принятых решений. Оно вынуждено фактами, перед которыми нам остается лишь склониться. Наша газета, рупор последней немецкой социалистической партии в Средней Европе, вынуж ена приостановить свой выход в свет. Приходится следовательно проститься с читательским коллективом, сохранившимся еще для нас после Мюнхенских решений, с нашими друзьями в стране и во всем мире. В этот момент мы не дадим сломить себя вздыханиями об утраченном. Побежденный имеет право высоко держать голову, если он сражался за правое дело и пал по чужой вине. Неодолимый рок поставил нас на потерянный пост. Знамя, врученное им нам, мы должны были нести до трагического конца. Сейчас мы хотим в свое оправдание сказать лишь, что мы пытались честно служить честному убеждению и несли в жертву этому убеждению все, что имели. Кому выпадает в исторической борьбе на долю победа или поражение, — это зависит не только от самих борющихся. Это мы всегда знали. Под конец же нам осталось лишь выбирать между тем, что́ почетнее: признать свое поражение, сохраняя верность своим убеждениям, или ренегатски отказаться от убеждений. Наш выбор сделан».

Мы уверены, что весь Социалистический Интернационал, с величайшей тревогой следящий за участью пролетарского социализма в Чехословакии, отданной на растерзание фашистским насильникам, оценит вынужденное событиями решение немецких товарищей, как мужественный призыв к сохранению верности социалистическому знамени и в тех трагических условиях, которые созданы для них, как они с полным правом констатируют, но по их вине.

Б. ВЛАДЕК

(1886—1938).

Скоропостижно скончавшийся 31-го октября в Нью-Иорке от разрыва сердца тов. Б. Владек был одной из самых оригинальных фигур в американском социалистическом движении. Оригинальна прежде всего была его карьера: выходец из России, уроженец м. Дукор, Минской губернии, Борух Чарный, молодым мальчиком вступил в еврейское рабочее движение. В 18 лет, сидя в минской тюрьме, переходит в Бунд, и благодаря своему блестящему ораторскому дарованию очень скоро, под псевдонимом «Владек», занимает видное место среди бундовских ораторов и агитаторов. Человек большой воли и сильного темперамента, тонкого ума и разносторонних дарований, Владек очень быстро приобрел широкую известность и большую популярность среди еврейских рабочих масс черты оседлости. «Молодым Лассалем» называли его в бундовских кругах за его блестящее и огненное красноречие. Но Владек был не только оратором: он не без успеха испытал себя и на поприще публицистики в бундовской прессе, писал стихи, литературно критические заметки и даже сочинил большую историческую драму из еврейской истории. Активный участник в руководящей работе Бунда, член польского районного Комитета, Лодзинского Комитета и др. Владек избирается делегатом на VI с'езд Бунда во Львове. Был он членом и бундовской делегации на Лондонском с'езде 1907 года. Несколько раз сидел в тюрьме и в период военного положения в Лодзи лишь чудом избавился от расстрела.

На Лондонском с'езде Владеку еще нет 21-го года. Его политическая и общественная карьера только еще начиналась. А между тем русская революция явственно вступала в полосу поражений и реакции. Столыпинский режим все туже стягивал кольцо вокруг рабочего движения и Бунда в частности. Владеку, как и многим другим молодым деятелям Бунда, стало тесно и душно в столыпинской России. В 1908 г. он эмигрирует в Сев. Америку, где за годы революции скопилось несколько сот тысяч рабочих выходцев из России, Польши и Литвы, в том числе десятки тысяч революционеров, бундовцев и др.

Со всей энергией своих 22 лет и со всем огнем своего темперамента Владек отдается социалистической пропаганде среди еврейских рабочих Нью-Иорка, Филадельфии, Бостона, Чикаго, как до того на бундовских митингах в Минске и Вильне, Люблине и Лодзи. Он сотрудничает в евр. социалистической прессе, редактирует партийные органы, читает лекции, учится английскому языку, посещает университет, занимается самообразованием. Вскоре он занимает видное место среди молодого поколения еврейских социалистических вождей в Америке. Он становится администратором («менеджером») евр. соц. газеты «Форвертс», что уже само по себе являлось тогда в евр. рабочем движении Америки «ключевой позицией». В 1917 г. вместе с целой группой товарищей избирается от рабочих кварталов Нью-Иорка «ольдерменом» (гласным) в городское самоуправление величайшего города в Новом Мире, с величайшей в мире и в истории еврейского народа еврейской колонией (в «большом» Нью-Иорке живет круглым числом 2 милл. евреев, гл. обр. выходцев из Восточной Европы).

Владек недолго работает в муниципалитете: реакционная волна, охватившая в тот период Соед. Штаты и столь ярко изображенная в романах Эптона Синклера, привела к тому, что социалистические ольдермены были, вопреки конституции, исключены из городского парламента и лишены полномочий.

Но конец войны принес для Владека, еврейского социалиста и общественного деятеля, новые задачи и проблемы. В России, на Украине, Польше, Галиции войной, революцией и гражд. войной миллионы людей, преимущественно евреев, были изгнаны из насиженных мест, превращены в бездомных беженцев, отданы во власть нищеты, голода и болезней. Филантропические организации богатой Америки занялись задачей помощи европейскому населению, пострадавшему от войны и ее последствий. В согласии с ними заработали и специальные еврейские организации помощи в том числе и рабочие. Во всех этих организациях (Джойнт, Ара, Еврейский Конгресс, Амер. Евр. комитет и др.) все более видную роль стал играть Владек, как наиболее авторитетный представитель рабочего крыла. Вскоре он сделался центральной фигурой в левом секторе еврейской общественности, бессменным действительным или почетным председателем десятка различных рабочих и общественных еврейских организаций. Вместе с тем, он не оставлял и своей работы в чисто-социалистических организациях, как американских, так и предназначенных для Европы. Шла-ли речь о кампаниях, имевших целью добыть средства для работы Бунда в Польше, или Румынии, или о фонде для «Соц. Вестника», или — в позднейшие годы — о сборе средств для антифашистских организаций итальянских, немецких и австрийских, — повсюду Владек был одной из главнейших и активнейших фигур. Его слово было решающим; его отзыв определял отношение профсоюзов или других рабочих организаций Америки; его личное участие на митинге или банкете было гарантией успеха. И потому в скромном бюро Владека в здании «Форвертса» на Ист-Бродвей, сходились бесчисленные нити, и его памятная книжка все чаще и чаще оказывалась недостаточной, чтобы вместить все свидания и заседания, которые ему приходилось записывать на определенные дни.

В последнем году ко всем многосложным обязанностям, которые неутомимый Владек брал на себя, не по слабости характера, — характера у него было сколько угодно! — а по чрезвычайно развитому чувству долга и товарищеской солидарности, присоединилось и еще одна, и притом первостепенного политического значения. После многолетнего перерыва Владек вновь избирается в городское самоуправление Нью-Иорка, на этот раз в должности городского советника (член Управы). Там он становится во главе рабочей фракции, сначала в качестве «лидера меньшинства», но через некоторое время, благодаря соглашению с более левой частью буржуазных депутатов, в качестве «лидера большинства». Это означало, что Владек занял доминирующее положение в городском парламенте в борьбе против знаменитого Тамани-Хола, — этого вошедшего в поговорку олицетворения коррупции и политиканства. Но муниципальная работа Владека не исчерпывалась только его политической работой в городском парламенте. Он уже в течение ряда лет, благодаря личной дружбе, связывавшей его с нью-иоркским мером Ла-Гвардия, принял пост члена «жилищного комитета» города Нью-Иорка, комитета, имеющего своей основной целью снесение трущоб, в которых до сих пор ютится еще, в особенности на «Ист-Сайд», нью-иоркская беднота, и замену их новыми гигиеническими домами на подобие тех, которые построены для рабочих в Вене, Амстердаме, Париже. Комитет этот был любимым детищем Владека, и ему последний отдавал много времени и сил. Он специально изучал архитектуру, приезжал в Европу для ознакомления с практикой европейского жилищного строительства, сам разрабатывал планы и сметы, и то, что в Нью-Иорке достигнуто по части перепланировки и модернизации пролетарских кварталов, в известной степени связано с деятельностью Владека.

В Европе мы привыкли к тому, что роль и значение отдельных деятелей, в особенности социалистов, в политической и общественной жизни страны определяется удельным весом тех массовых рабочих организаций, которые они представляют. Но в Америке до сих пор еще личный элемент играет огромную роль. Помимо того, тут нет и рабочих организаций, кроме профессиональных союзов, ограничивающих свою деятельность узко - синдикальными рамками. Та исключительная роль, которую покойный Владек играл в Нью-Иорке, была поэтому построена не на силе стоящих за Владеком организаций, а прежде всего на том личном обаянии, которым Владек располагал в необычайной степени. Тут сказывался не только его редкий ораторский талант, который каким-то образом оказался внутренне-созвучным чисто американскому красноречию. Умевший увлекать своим еврейским словом революционных бундовских рабочих черты оседлости, Владек оказался способным очаровывать своими английскими выступлениями и чистокровных янки в своем новом отечестве. В нем было редкое сочетание внутреннего огня и внешнего спокойствия, глубокого пафоса и незлобивого юмора, который так пленяет сердца истых американцев. Глубоко искренний и честный во всех своих выступлениях, Владек и в скупом жесте своем и в своем спокойном голосе, и своих метафорах и шутках, которыми были пере-

сыпаны его речи, проявлял столько внутреннего благородства и достоинства, что неотразимо привлекал к себе всеобщие симпатии и уважение. Любимый оратор рабочих митингов, Владек пользовался уважением и признанием и в совершенно иных общественных кругах. Среди его личных друзей были такие люди, как Эйнштейн или маститый философ Дьюи, писатели О'Нил и Синклер, нью-иоркский мэр Ла-Гвардия, сенатор Вагнер, автор знаменитого рабочелюбивого законопроекта, принятого американским парламентом, еврейский губернатор штата Нью-Иорк Леман, не говоря уже о крупных еврейских филантропах, работавших в Джойнте, Орте и других еврейских организациях. Насколько Владек был популярен в самых различных слоях населения, в особенности еврейского, не только Америки, но и Европы, можно видеть из того, что в 1936 году, когда в Америке праздновалось 50-летие Владека, литературные приветствия, посланные ему от американцев и европейцев, заняли в напечатанном виде книгу в 225 страниц (на еврейском и английском языках).

***

Похороны Владека, имевшие место в Нью-Иорке 2-го ноября, превратились в грандиозную народную демонстрацию. На всех городских зданиях Нью-Иорка были приспущены флаги, за гробом следовали все члены муниципалитета и правительства штата, 30.000 чел. участвовало в траурном шествии, и около миллиона человек встречали гроб с останками рабочего вождя на всем пути следования процессии. Под звуки бундовской «Швуэ» гроб был опущен в могилу на кладбище Арбейтер-Ринга, рядом с могилой В. Медема.

Несмотря на все свое увлечение еврейскими и американскими делами, Владек никогда не разрывал внутренней связи с русским революционным движением. Во время своей работы в Бунде, Владек не был меньшевиком, он скорее стоял ближе к большевикам в то время. Но когда в России окончательно воцарилась большевистская диктатура со всеми ее аттрибутами, Владек, в отличие от многих других, гораздо более право-настроенных, русско-американских социалистов, никогда не был «большевизаном» и никогда не скрывал своего отрицательного отношения к большевистскому террору. Отнюдь не во всем теоретически соглашаясь с нашей партией, Владек однако считал своим долгом помогать нам в нашей борьбе против террора и преследований. Во всех тех трех кампаниях, которые нашей партии пришлось за последние 14 лет вести в Америке, мы всегда имели за собой активную поддержку Владека, которая не раз оказывалась решающей. Из своей поездки по России, которую он в качестве представителя еврейских организаций помощи, совершил около трех лет тому назад, он вернулся убежденным противником сталинского терроризма. Его впечатления были в свое время изложены в нашем журнале.

В лице покойного Владека еврейский пролетариат потерял одного из своих самых блестящих и преданных вождей. Русская социалдемократия теряет в нем верного и благородного союзника. Мы, старые товарищи Владека по революционному прошлому и по общей борьбе на поприще еврейской общественности, потеряли в нем дорогого, незабвенного соратника и личного друга.

Памяти А. Лесина

(1872—1938).

На 66-ом году скончался в Нью-Иорке известный еврейский публицист и поэт А. Лесин (Вальт).

Уроженец России, выходец из еврейских местечек Сев.-зап. края, получивший традиционное религиозное воспитание, выросший в семье, где были живы традиции знаменитых и ученых раввинов — его предков, — А. Лесин, сохранивший всю жизнь пиэтет и привязанность к этим традициям, тем не менее с самых юных лет осознал себя революционером и социалистом. В начале 90-х гг. в Минске и в др. городах еще до возникновения Бунда он вел активную пропаганду среди еврейских рабочих, — и первые его стихи шли по рукам в рукописи, зачитывались и распевались. Уже тогда в отличие от господствовавших среди будущих основателей Бунда воззрений А. Лесин был выразителем национальных настроений, проникнутых вековой еврейской скорбью. Свои социалистические идеи он черпал не только от первоучителей движения, но и в проповедях пророков древней Иудеи. Общее мировоззрение Лесина, насколько оно потом сложилось, можно определить, как этический социализм. Тем не менее до последнего дня своей жизни Лесин считал себя в самом близком духовном родстве с Бундом, чрезвычайно дорожил своими воспоминаниями об участии на одном из с'ездов Бунда (в качестве делегата от Америки) и своими личными отношениями с бундистами.

Россию Лесин покинул давно: в 1897 г. началась американская полоса его жизни. Один из основателей «Форвертса», он с 1913 г. стал редактором ежемесячного социалистического журнала «Цукунфт», журнала, где находили себе приют почти все еврейские социалисты разнообразных толков, оценившие в бессменном редакторе (в течение 25-ти лет) духовную оригинальность, независимость мысли и дружеское отношение.

Человек с необычайно повышенным моральным чувством, Лесин с невыразимой болью следил за ходом событий в Европе, страдая от каждого поражения демократии, от каждого успеха фашистского варварства и разлива гнусного юдофобства. Сердце этого чуткого поэта и пламенного социалиста не выдержало.

Григорий Аронсон.

Б. Константюк

4-го июня сего года в боях против фашизма в Испании пал товарищ **Борис Константюк.**

Борис Константюк, сын железнодорожника, родился 19-го июня 1914 г. в Эстляндии. Он учился в Ревеле в русской народной школе и в русской гимназии, а затем поступил в Дерптский университет, где изучал естественные науки и химию.

Еще в гимназии Константюк принял участие в движении социалистической молодежи и был одним из руководителей русской секции эстонского Союза социалистической молодежи. Он вошел также в Эстонскую социалистическую рабочую партию и в профессиональное движение, где занимал ответственные посты. Студентом Константюк был одним из активнейших участников борьбы университетской молодежи против реакционного правительства, стремившегося уничтожить академические свободы и фашизировать высшую школу.

Но глубокая страстность социалистических убеждений Бориса Константюка не позволила ему закончить спокойно университетскую учебу. Когда в Испании завязалась борьба за новый лучший мир, Борис отправился туда добровольцем. Полтора года был он участником героической борьбы интернациональных бригад. Полтора года почти ежедневно отправлялся он на линию огня, и шел, словно на праздник, полный гордого удовлетворения, что ему пришлось с оружием в руках, рядом с испанскими братьями отражать натиск фашистских насильников.

Все, кто знали Бориса, высоко ценили его живой критический ум, его активность и жизнерадостность, его готовность всегда придти на помощь другим.

Мы, друзья Бориса, скорбим о его преждевременной кончине, но горды тем, что он умер, как герой, во имя великого идеала. Честь и слава павшему борцу!

26 сент.

Друзья Бориса Константюка, добровольцы в Испании.

По России

СУМЕРКИ СОВНАРКОМА ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

После чудовищной чистки в течение всего 1937 года *) Совнарком СССР в январе 1938 г. был обновлен и пополнен

*) См. обзор «Сумерки Совнаркома СССР» в «Соц. Вестнике» за 1937 г., № 20. Уже после составления этого обзора пали в последние месяцы прошлого года председатель Госплана **Г. И. Смирнов**, заместитель председателя СНК и председатель Госплана (после Г. И. Смирнова) **Валерий Межлаук**, наркомзем **М. А. Чернов** и наркомлес **В. И. Иванов.**

новыми людьми**). В состав нового Совнаркома, избранного на первой сессии Верховного Совета, вошли председатель и 3 заместителя председателя, 21 нарком, председатели Госплана, Госбанка, Комиссии Советского Контроля (он же зампред Совнаркома) и Комитетов по делам высшей школы и по делам искусств, всего 29 человек, «лучших из лучших», «верных помощников великого Сталина».

Не прошло и года, и 11 из этих 29 «вернейших» уже сошли с политической сцены. Уже 5-го апреля **А. В. Бакулин** был освобожден от обязанностей наркомпути, а 8-го апреля такая же судьба постигла наркомвода **Н. И. Пахомова.** В обоих случаях отстраненные еще были титулованы в «Правде» «товарищами»; но когда два месяца спустя указы об их освобождении от должности были опубликованы в «Ведомостях Верховного Совета», Пахомов уже перестал быть товарищем, и печать вскоре заговорила о «вредительском старом руководстве» наркомвода. Пахомов принадлежал еще к старым кадрам Совнаркома, его падение как бы продолжает и почти завершает процесс прошлогодней чистки правительства. Напротив, Бакулин это сравнительно новый человек. Выдвинувшийся и назначенный замнаркомом при наркомпути Кагановиче, он стал наркомом в августе 1937 г. при переходе Кагановича из наркомпути в наркомтяжпром. При падении Бакулина наркомпути вновь перешел в заведывание Л. Кагановича (на этот раз по совместительству с руководством Наркомтяжпрома).

5-го мая за Бакулиным и Пахомовым последовал наркомзаготовок **М. В. Попов,** освобожденный «как не справившийся с делом», и тоже в «Правде» (от 6-го мая) еще «товарищ», но в «Ведомостях ВС» уже угрожающе просто М. В. Попов. И Попов среди «особ 1-го класса» был человеком новым: он лишь в сентябре прошлого года был назначен зампредом Комитета по заготовкам при председателе Клейнере; в октябре Клейнер пал и был заменен Кольцовым; в январе при преобразовании Комитета по заготовкам в наркомат «кончился» уже и Кольцов и произошло возвышение Попова — на три с небольшим месяца.

16-го июля отстранен от должности нарком машиностроительной промышленности **А. Д. Брускин.** До августа прошлого года это был один из наиболее ценимых директоров заводов, пользовавшийся особым покровительством Орджоникидзе и — после него — Кагановича. При образовании в августе прошлого года Наркоммашстроя Брускин был назначен 1-ым заместителем наркома (при наркоме В. Межлауке); в сентябре, при переходе Межлаука на должность председателя Госплана и зампреда СНК, Брускин был назначен наркомом. В январе он был переизбран в состав правительства и, казалось, принадлежал к числу бесспорных членов его. Может быть, не случайно поэтому отстранение его было проведено келейно, без сообщения об этом в ежедневной печати. Широкая публика узнала об отстранении Брускина от должности лишь из отчетного доклада Горкина в Верховном Совете («Правда» от 23-го августа). Вопреки утверждению Горкина, указ об отстранении Брускина так и не был опубликован в «Ведомостях ВС».

Почти перед самым открытием 2-ой сессии Верховного Совета был отстранен (7-го августа) наркомпищпром **А. Л. Гилинский.** И это в составе правительства был новый человек, ставший замнаркомом лишь в августе прошлого года — при наркоме Микояне —, заменивший Микояна на посту наркома, когда тот в январе стал зампредом Совнаркома.

29-го октября закончилась карьера одного из самых надежных, наркомлеспрома **М. И. Рыжова.** И он стал замнаркомом всего лишь в августе прошлого года — замнаркомвнудел при наркоме Ежове, заменив переведенного на должность наркомсвязи М. Д. Бермана (кстати, и его звезда, видимо, закатывается). В конце декабря Рыжов был освобожден от должности замнаркомвнудела и назначен на несчастную должность наркомлеспрома. Сейчас даже и этот ежовский ставленник перешел в небытие.

В перечисленных шести случаях в печати прямо сообщалось об отстранении от должности названных выше членов правительства. В двух других случаях о падении членов СНК стало известно лишь из сооб ений о новых назначениях. 3-го октября «Правда» сообщила о назначении председателем Госбанка (и зампредом Совнаркома СССР) Н. А. Булганина, 6-го ноября — о назначении наркомом военно-морского флота М. П. Фриновского. Имена их предшественников — председателя Госбанка **А. П. Гричманова** и наркомвоенмора **П. А. Смирнова** — не были при этом даже упомянуты. Это значит, что судьба их печальна.

Оба они — и Гричманов, и П. А. Смирнов — выдвинулись, как и большинство перечисленных выше павших членов правительства, лишь совсем недавно. Гричманов был назначен 1-ым заместителем наркомфина в августе прошлого года при отстранении Гринько и назначении наркомфином Чубаря. В январе, при расширении Совнаркома и включении в него председателя Госбанка, Гричманов был освобожден от обязанностей замнаркомфина и вошел в состав правительства. Падение Чубаря (см. ниже) переломило и Гричманову хребет. Приходится удивляться даже не столько тому, что Гричманов пал, сколько тому, что он продержался до октября. На следующий день после падения Гричманова были назначены три новых заместителя председателя Госбанка. Ежовско-сталинская метла метет широко.

Падение наркомвоенмора Смирнова представляет значительно больший политический интерес, чем большинство перечисленных выше перемен в составе правительства. Начало возвышения Смирнова совпало с «самоубийством» Гамарника (ходят слухи, что Смирнов сыграл какую-то роль в «разоблачении» «заговора» Тухачевского-Гамарника). Смирнов был назначен начальником Политуправления армии и — при отсутствии заместителя наркомобороны по политическим делам — фактически исполнял обязанности, лежавшие ранее на Гамарнике. После четырехмесячного испытания, ознаменовавшегося началом разгрома высших кадров флота, Смирнов в конце сентября был уже и формально назначен замнаркомом обороны по политическим делам. В конце декабря, при выделении из Наркомобороны Наркомата военно-морского флота, Смирнов стал во главе нового наркомата и с усиленной энергией продолжал процесс «чистки», принявший вскоре характер подлинного разгрома всего верхнего слоя военного флота. Но вот Смирнов как-то исчез с горизонта и уже с конца лета ходили слухи о его падении. Назначение нового наркома эти слухи подтвердило. Но как характерно это новое назначение. Преемником Смирнова назначен один из ближайших помощников Ежова, бывший замнаркомвнудел и грозный начальник пограничных войск Наркомвнудела. Значит ли это, что даже произведенная Смирновым чистка признана недостаточно радикальной? Или чудовищные результаты смирновской «работы» вызвали необходимость проверки и чистки чистильщиков? Ближайшие недели принесут ответ на этот вопрос.

Кроме перечисленных выше опубликованных или полуопубликованных перемен в составе правительства СССР за истекшие месяцы произошли перемены, о которых до сих пор советская печать не решается заикнуться. Это падение двух заместителей председателя Совнаркома **С. В. Косиора** (последний был одновременно председателем Комиссии Советского Контроля) и **В. Я. Чубаря** и наркомзема **Р. И. Эйхе.** Косиор и Эйхе исчезли еще в первые месяцы года. О времени их падения можно приблизительно судить по назначению зампреда КСК Анцеловича («Правда» от 29-го марта) и замнаркомзема Бенедиктова («Правда» от 22-го апреля). Чубарь исчез несколько позже: в начале избирательной кампании в Верховные Советы союзных республик Чубарь выдвигался еще в качестве кандидата в большом числе избирательных округов, но зарегистрирован в качестве кандидата он уже нигде не был и с тех пор как в воду канул. Трагическая судьба всех троих, принадлежавших, кстати сказать, до последнего времени к числу ближайших сотрудников Сталина (Косиор и Чубарь члены, Эйхе — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП), не вызывает сомнений.

Косвенно — в отношении Чубаря и Косиора — она нашла свое подтверждение в назначении в августе Л. Кагановича и в начале октября Булганина заместителями председателя Совнаркома. Еще совсем недавно, при избрании Совнаркома Верховным Советом, Молотов «просил» ВС, «чтобы заместители председателя СНК были освобождены от наркоматских постов и целиком были заняты в СНК» («Правда» от 20-го января). ВС согласился с этой просьбой председателя СНК и набрал трех зампредов СНК: Косиора, Микояна и Чубаря. Сейчас их опять трое, но один из них (Каганович) совмещает должность зампреда СНК с руководством двумя крупнейшими наркоматами, а другой (Булганин) с руководством Госбанком, что стоит любого наркомата. Но что делать, когда опустошения в непосредственном окружении диктатора принимают такой размах, что ему уже почти не на кого положиться, когда приходится замещать наиболее ответственные посты в государственном управлении? Это не значит, конечно, что в стране «нет людей». Но возле Сталина скоро не останется уже почти никого из сколько-нибудь заметных людей.

Поразительной иллюстрацией к этому безлюдью может служить судьба Совнаркома РСФСР. Когда в июле на 1-ой сессии ВС РСФСР был избран новый Совнарком РСФСР, председателем его был избран Булганин и единственным заместителем председателя И. Г. Кабанов. Но уже в августе Кабанов перешел на должность наркомпищпрома СССР (после падения Гилинского), а в начале октября Булганин был освобожден от должности предсовнаркома РСФСР и стал зампредом СНК СССР. Совнарком РСФСР остался таким образом и без председателя и без заместителя председателя, и до сих пор

) При формировании нового СНК оказались за бортом наркомюст **Крыленко, председатель Комитета по делам искусств **Керженцев** — оба давнишние члены правительства — и всего за два месяца до того вошедший в состав правительства председатель Комитета по заготовкам **Ф. А. Кольцов.**

— передо мной советские газеты по 11-ое ноября — должности эти остаются незамещенными.

В Совнаркоме СССР отсутствие подходящих кандидатов к руководству наркоматами и их важнейшими отделами привело к введению совместительства на руководящих постах и к восстановлению **коллегий**. Но это не коллегиальные органы первых лет революции, в которых — пусть уродливо и придушено — как-то находила свое выражение мысль о необходимости общественной организации государственного управления, мысль о гарантиях от всевластия бюрократии. Современные наркоматские коллегии это типичные бюрократические органы, но в обстановке всеобщего молчалинства они и как бюрократические органы обречены на бесплодие.

С. Ш.

P. S. Обзор этот был уже в наборе, когда пришли московские газеты (от 16-го ноября) с сообщением о назначении Бенедиктова наркомземом СССР. О бывш. наркомземе **Эйхе** ни слова.

ИЗ ПАРТИИ

60-ЛЕТИЕ ТОВ. П. К. ОЛЬБЕРГА.

23-го ноября исполнилось 60 лет заслуженному члену нашей партии, Павлу Карловичу **Ольбергу**, проживающему последние годы в Стокгольме и сумевшему завоевать себе уважение и в рядах шведской социалдемократии.

Заграничная Делегация РСДРП и редакция «Социалистического Вестника» приветствовали телеграммой юбиляра, сохраняющего неизменную верность партийному знамени и не перестающему оказывать партии ценные услуги. С горячими поздравлениями обратились к т. Ольбергу и лично многочисленные друзья его, проживающие в Париже.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Дорогие товарищи,

Многолетнему теоретическому обсуждению проблемы о тактике международного и русского социализма против войны и фашизма суждено было в критические сентябрьские недели подвергнуться испытанию на практике. На этот экзамен наша партия предстала с документом, выработанным ЗД РСДРП и напечатанным в виде «Обращения ко всем членам партии» в № 18 «С. В.» от 30-го сентября. Документ этот породил во мне столь тяжкие сомнениня, что они вынуждают меня заявить о моем несогласии с руководящей установкой «Обращения».

Основная идея «Обращения» — «Все для поражения фашизма и стран фашистского блока! Все для победы сил, которые будут ему противостоять» — привела авторов «Обращения» к мысли о необходимости рекомендовать пролетариату в странах антифашистского блока (т. е. в странах буржуазной демократии и Советского Союза) «лишь такие формы и методы борьбы, которые не умаляют обороноспособности» этих стран. Исходя из этого положения, «Обращение» рекомендует русским социалдемократам вложиться «в дело усиления военоспособности» Советского Союза, а социалистам антифашистской коалиции поставить «все свои силы на обслуживание войны».

Это возрождение через 20 лет после окончания мировой войны, в совершенно изменившихся и для пролетариата бесконечно ухудшившихся условиях старой, столь бесславно провалившейся на экзамене истории оборонческой концепции, кажется мне роковым для судеб международного и русского социализма. Политически ни одна из фракций буржуазии и ни советская бюрократия не заинтересованы в бескомпромиссной борьбе против фашизма. В таких условиях борьба против фашизма на путях войны явится лишь войной различных, друг с другом соревнующихся империализмов. Опыт сентябрьской катастрофы показал, что единственно принципиально - оправданной и практически возможной основой борьбы пролетариата против фашизма является революционная борьба за предотвращение войны и за торжество своей собственной власти, непримиримая борьба против капиталистической реакции в странах буржуазной демократии и против вырождающейся олигархии в Советском Союзе.

В. Александрова.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мюнхенское соглашение остро поставило перед всем социалистическим пролетариатом вопрос о политике войны и мира и вскрыло сильнейший идейный разброд в этой области. Этот разброд не пощадил и нашу партию. «Письмо в редакцию» тов. В. Александровой показывает, что и среди долголетних сотрудников «С. В.» имеются товарищи, решительно отвергающие ту точку зрения «активного интернационализма», которая была формулирована в тезисах «Война и социализм», принятых ЗД РСДРП в конце 1935 года (см. «С. В.», № 1/357 за 1936 г.), и легла в основу обращения ЗД РСДРП «Ко всем членам партии», явившегося откликом партии на текущие события (см. «С. В.» № 18/422 от 30 сентября 1938 г.).

Сопоставление помещенных в этом-же номере статей тт. Абрамовича и Ф. Дана, одинаково посвященных французскому рабочему движению, в котором идейно-политический кризис, развязанный «Мюнхеном», оказался особенно силен, покажет однако читателю, что и среди тех 7 членов ЗД РСДРП, которые 27 сентября единогласно приняли упомянутое обращение и, следовательно, одинаково стоят на точке зрения положительного и активного участия рабочего класса демократических стран в возможной и даже вероятной войне против «фашистского блока», существуют глубочайшие различия в понимании смысла, методов и форм такого участия.

Скрывать наличие идейно-политического разброда во всех партиях Социалистического Интернационала, в том числе и нашей, по вопросу, быть может, наиболее жизненному для дальнейших судеб социализма и демократии, было бы бесцельно и даже вредно. Надо надеяться, что открытое изложение различных точек зрения и их обсуждение под решающим воздействием логики самих событий помогут демократическому социализму своевременно преодолеть идейный разброд, который мог бы оказаться роковым, если бы военная катастрофа снова застала социализм неподготовленным к тем великим задачам, которые поставит перед ним в этом случае история.

От редакции. — За недостатком места откладывается до следующего номера статья **М. Рудовского:** «К 20-летию Комсомола».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Un discours d'Indalecio Prieto (Barcelona 28 Août 1938). Editions Espagnoles.

Le fascisme détruit le trésor artistique de l'Espagne. Service d'Information de l'Office National Espagnol du Tourisme.

Nouveaux Cahiers, N° 34.

X. X. X. La Politica delle classi medie et il planismo. Con prefazione di Angelo Tasca. Partito Socialista Italiano.

La Liberacana Sintezo, N° 12, 13.

L'Echo de la lutte (géorgien), N° 5.

Unser Wort, N° 4-5 (88-89).

La Révolution prolétarienne, N° 281.

Informations de Palestine, N° 63.

Informations sur le mouvement international de solidarité envers les victimes du fascisme et de la guerre. N° 8, 9, 10.

Deutschland-Berichte der Sopade, N° 9, 10.

Indépendent News. Le Procès du POUM. Numéro spécial. N° 56.

SIB, Sozialdemokratischer Informations-Brief. Herausgegeben vom Auslandsbüro. „Neu-Beginnen".

RS-Korrespondenz. Mitteilungen der Auslandsvertretung der Oesterreichischen Sozialisten. N° 5.

Der Sozialistische Kampf, N° 12.

Socialist Review, Vol. 6. N° 8.

Que faire? Revue marxiste, N° 47.

Новая Россия, № 53, 54, 55, 56.

Бюллетень оппозиции, № 71.

Дело Труда, № 103.

Тризуб, № 41 (641).

Русские Записки, Ноябрь 1938.

Новая Россия, № 53-54.

Українська Воля, № 5.

Le Gérant.: Paul Colliette — Imp. Union 13, rue Méchain. Paris